

17 июня в Варшаве во время встречи с журналистами В.П.Некляев заявил о своем намерении остаться на Западе. Это заявление вызвало волну разных толков. Уже в первых откликах белорусской прессы, во всяком случае независимой, сквозило определенное недоумение: такой бесконфликтный и даже вполне лояльный по отношению к власти человек — и вот такое неожиданное решение...

Почему же В.П.Некляев, вполне благополучный литературный функционер, редактор журнала и белорусской писательской газеты, затем руководитель Союза писателей, известный поэт, в советские времена увенчанный премией Ленинского комсомола, а совсем недавно получивший Государственную премию из рук Лукашенко, решил на такой поступок?

— Мне и самому в этом непросто разобраться... Вдруг к горлу подошло: всё, хватит, больше не могу... Хотя я никогда не был человеком борьбы, человеком каких-то революционных порывов. Когда Лукашенко пришел к власти, мне казалось, что не все еще безнадежно, можно будет что-то полезное делать для нашей культуры. В этом меня убеждало и его окружение, в котором я видел достаточно приличных людей, таких, как Виктор Гончар, Дмитрий Булахов, Анатолий Лебедеж...

— Но они ведь уже давно в оппозиции. Не год и не два...

— Они открыто занимались политикой, а не литературой. В этом существенная разница. Да, крах ожиданий, связанных с приходом Лукашенко, произошел не сегодня. И не сегодня перед многими людьми встал вопрос выбора. Я понял, что эта власть отнюдь не временная, хотя многие бегали с флагами и кричали, что она вот-вот падет. Я убеждал себя, что мое дело — созидать, разрушителей и без меня хватит. Одним словом, я понял, что кто-то должен всерьез заниматься нашей культурой, помогать выжить белорусской литературе, нашему языку в этих кошмарных условиях.

— Но чтобы осуществить это — нужно изменить условия! Другого пути нет.

— В том-то и дело, что мне пришлось на собственном опыте убедиться, что означает включение национальной культуры, национального языка в сферу антинациональной по сути политики. Я никогда не думал, что водораздел у нас дойдет до такого, что само пользование белорусским языком уже будет означать твою принадлежность к оппозиции. И я, может быть, чересчур самонадеянно решил, что вот таким крепким ребятам, как, скажем, тот же Гончар, не удалось повлиять на власть, а у меня получится. Эту линию — отстаивания интересов нашей национальной культуры — я проводил, когда был редактором журнала "Крыніца", а затем одновременно и редактором газеты "Літаратура і мастацтва". Естественно, мне пришлось пойти на достаточно тесные контакты с властью, поскольку у нас не состоялась приватизация в сфере прессы, как в других странах, и ранее выходившие газеты и журналы по-прежнему состояли на государственной дотации.

— Но одно дело быть редактором журнала и газеты и совсем другое — стать председателем Союза писателей. Произошло это года полтора назад...

— Если бы дело происходило лет десять назад, я бы с тобой согласился. Тогда все проводилось в согласии с ЦК КПБ, должность эту сопровождала необходимая атрибутика. Сегодня писательский союз — действительно общественная организация.

— Но власть-то нынешняя эту старую привязку понимает не меньше, чем прежняя. А может, даже и больше, поскольку она дает деньги на содержание хотя бы аппарата союза.

— Да, здесь нас, конечно, особенно крепко привязали после того, как отняли собственность, я имею в виду прежде всего наш Дом литератора. Аренда его помещений давала Союзу писателей средства, и можно было как-то существовать. Тем не менее на союз многие продолжали надеяться, особенно старые литераторы. Ведь случилось, что и похоронить человека было не на что...

И приходили, и просили... А что мы могли? Сброситься на венок? И нужно было эти проблемы решать. Но это, скажем так, материальный ряд. Гораздо существеннее то, что происходило с национальной культурой и чему нужно было противостоять. Представь себе, что на встрече президента с писателями сотрудники администрации поста-

Русская мысль, Париж, 1999, 8-14 июля, с. 15

КАЖДЫЙ ПЛАТИТ ПО СВОИМ СЧЕТАМ

Беседа с председателем
Союза белорусских писателей
поэтом Владимиром Некляевым

вили таблички с нашими фамилиями, написанными по-русски. Тенденция вытеснения белорусского языка стала открыто превращаться в государственную политику.

— Но, когда ты пришел на должность руководителя союза, эта политика была уже в самом расцвете. На что ты, собственно, надеялся?

— Мне хотелось замедлить эти процессы. И что-то сделать удалось. Может быть, если бы не определенные усилия со стороны союза, то уже сегодня школьники изучали бы белорусский язык как иностранный. И тогда вообще вопрос с белорусской литературой в школах был бы закрыт. Да, мы по-своему воздействовали на министерство культуры, на министерство образования, объясняли, спорили, доказывали...

Мне казалось, что если отодвинуть в сторону такого главного антибелоруса в ближайшем окружении Лукашенко, как вице-премьер Владимир Заметалин, курирующий вопросы культуры, то многое у нас может получиться. Для начала решил выяснить прочность его положения. Дело в том, что Заметалина многие из окружения президента и в правительстве, мягко говоря, не любят. И год назад, уже будучи председателем Союза писателей, я выступил на парламентских слушаниях по культуре, где присутствовало руководство страны, и откровенно рассказал о механизмах антибелорусской политики, которые запускает Заметалин. Но после выступления выяснилось, что чиновники знали, что за спиной Заметалина стоит Лукашенко, и поостереглись поддержать меня. С этого времени началось открытое противостояние между мной и Заметалиным. Тут-то я и ощутил всю силу машины авторитарной власти, ее возможности давить и уничтожать. Остался один выход — обращение к президенту. В августе прошлого года состоялась памятная многим встреча президента с правлением Союза писателей. То, что Лукашенко не намерен сдавать Заметалина, обнаружилось сразу же в его реакции на выступление поэта Геннадия Буравкина, который в достаточно резкой форме обрисовал положение национальной культуры и мрачную роль полковника КГБ Заметалина в ее нынешней судьбе. Лукашенко в ответ заявил, что Заметалин ему нужен "для равновесия". Тогда-то и стало ясно, что больше рассчитывать не на что и не на кого.

— Следующим этапом развития конфликта, видимо, стало заявление правления Союза писателей в январе этого года, осуждающее президентский курс на объединение Белоруссии с Россией в одно государство.

— Реакция на это заявление со стороны власти была особенно болезненной. Буквально через неделю Лукашенко на совещании президентской вертикали уже грозил в свойственном ему духе: "Мы с этими писателями еще разберемся!" Но могли ли мы в Союзе писателей промолчать, когда каждому нормальному человеку ясно, что Союз Белоруссии и России, как его ни подавай — федерация, конфедерация, — по сути означает поглощение Белоруссии Россией. Не могли нам простить того, что после той самой встречи с президентом, где, несмотря на явные противоречия, внешне было достигнуто какое-то соглашение, по крайней мере по вопросам материального порядка, после того, как председатель союза получил госпремию, произошел такой вот бунт на корабле. А какое у нас обычно следует наказание? Открыто по политическим мотивам в Белоруссии еще не сажают. Начинаются финансовые проверки, надо человека подвести под статью, дабы показать всем, что бунтует не человек, у которого есть свои взгляды, а уголовник.

Стали трясти журнал "Крыніца", пошли комиссии из самых разных органов...

— Тебе как редактору представили акт проверки с указанием каких-то нарушений, злоупотреблений?

— Был такой акт, но я его не подписывал, да и не мог этого сделать, поскольку к тому времени Комитет по печати не заключил со мной контракт как с главным редактором журнала, к тому же во время проверок я находился в больнице.

— Но какие-то нарушения были зафиксированы проверяющими?

— А как ты думаешь: для чего

они пришли? Да еще такой серьезной командой... Зафиксировали, что я как редактор какое-то время получал зарплату и в "Крыніце", и в газете "Літаратура і мастацтва". Хотя это совмещение было согласовано. Предъявили претензии к выплатам гонорара, к ценам на бумагу и полиграфию... Но этого оказалось недостаточно. Поэтому проверки идут и по сей день. При этом мне постоянно поступали сигналы, что вот, мол, погоди: еще немного — и тебя накроют. Все это тянулось четыре месяца... Можно подумать, что это какое-то крупное предприятие, а не редакция из 15 человек. Наконец перед моим отпуском очередные проверяющие обнаружили, что в редакции на двери специальной комнаты, где хранились документы, сорвана пломба, а бумаги исчезли. Встал вопрос: кому нужно было похищать уже отработанные, скопированные и вошедшие в материалы проверки документы? Я поинтересовался у компетентных людей по поводу того, что бы это могло означать. Мне сказали: вот тебя-то сейчас и обвинят в хищении этих документов. Значит, могут теперь обвинить и в каких угодно злоупотреблениях. Такая модель, оказывается, уже давно отработана на практике. Это случилось около месяца назад.

— Короче, засветила тюрьма... У тебя уже тогда зародились мысли о том, что, если не хочешь разделить судьбу Старовойтова, Климова, Чигиря, нужно оставить страну, попросту говоря, бежать из нее?

— Нет, о бегстве из Белоруссии я вообще не думал. И когда ехал в Польшу, не думал об эмиграции. Хотя рано утром ко мне пришел человек, располагающий более чем точной информацией, и сказал: "Принято решение тебя изолировать".

— Извини, я ничего не понимаю. Ты что, после такого известия ехал в Варшаву, за шестьсот километров, пива здешнего попить?

— Пиво и в Минске не хуже... Но выдалась случайная возможность оказаться в безопасном месте и подумать, обмыслить ситуацию. Было трудно поверить, что мне грозит арест. В Минске я был в таком состоянии, что уже не мог реально оценивать происходящее. Я человек неполитической биографии, и свикнуться с мыслью, что политика ворвалась в мою жизнь и переломила ее, мне до сих пор невероятно сложно. Осознание того, что это все-таки случилось, пришло здесь, в Варшаве, когда я получил подтверждение информации, что мой арест предопределен.

— Российское агентство ИТАР-ТАСС распространило информацию, что ты попросил в Польшу политическое убежище.

— Я пришел к убеждению о необходимости этого шага. О возвращении домой пока не может быть и речи. Винникова находилась за границей, когда было принято решение об ее аресте. Ей передали весточку: ну что ты, Тамара, мы тебя любим, ценим, ждем не дождемся, ты у нас тут кандидат в премьер-министры. Она вернулась, и теперь ее нет нигде. Нет, торги кончились, я сейчас плачу по собственным счетам. Разлукой с родными, с друзьями... Плачу за приближенность к власти, за иллюзии или за что-то другое, как бы оно ни называлось... Помнишь пушкинское: "Близ царя — близ смерти". Дорогой всевозможных компромиссов — больших, малых — я подошел к тому нравственному рубежу, переступить который невозможно.

Вел беседу
СЕМЕН БУКЧИН

Варшава